
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<https://doi.org/10.5281/zenodo.5595965>

УДК 93/94; 314

Андреев А.Н.

Андреев Александр Николаевич, доктор исторических наук, профессор, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Россия, 454080, г. Челябинск, просп. Ленина, д. 76. E-mail: alxand@yandex.ru.

Демографические процессы в инославных общинах Санкт-Петербурга первой половины XVIII века

Аннотация. В статье с опорой на метрические книги инославных общин проанализированы основные демографические процессы (брачность, рождаемость и смертность, включая детскую и младенческую) среди иноземного населения Санкт-Петербурга первой половины XVIII столетия. Сделан вывод о том, что модели демографического поведения у петербургских иноземцев существенно различались в зависимости от их конфессиональной принадлежности. Наиболее близкими к традиционной русской модели демографического поведения признаны демографические процессы у лютеран, имевших очень высокие показатели брачности, рождаемости и смертности. Демографическое поведение петербургских католиков, наоборот, отличалось крайне низкими коэффициентами брачности, рождаемости и смертности.

Ключевые слова: иноземцы, историческая демография, брачность, рождаемость, смертность, демографическое поведение, Санкт-Петербург, Россия XVIII столетия.

Andreev A.N.

Andreev Aleksandr Nikolayevich, Doctor of Historical Sciences, Professor, South Ural State University, Russian Federation, 454080, Chelyabinsk, Lenin Avenue, 76. E-mail: alxand@yandex.ru.

Demographic processes in the non-Orthodox communities of St. Petersburg in the first half of the 18-th century

Abstract. The article analyzes the main demographic processes (nuptiality, birthrate and mortality, including child and infant mortality, as well as the illegal cohabitation tendency) among the foreign population of St. Petersburg in the first half of the 18-th century, relying on the Church registers of non-Orthodox communities. The author concludes that the patterns of demographic behavior among Petersburg foreigners differed significantly depending on their confessional affiliation. The demographic processes of Lutherans, who had very high rates of marriage, fertility and mortality, were the closest to the traditional Russian model of demographic behavior. The demographic behavior of Petersburg Catholics, on the contrary, was characterized by extremely low rates of marriage, fertility and mortality.

Key words: foreigners, historical demography, marriage rate, birthrate, mortality, demographic behavior, St. Petersburg, Russia in the 18-th century.

Тему иностранного присутствия в России XVIII в., несмотря на кажущуюся ее тривиальность, до сих пор трудно признать исчерпанной. Наши типичные представления о русских иноземцах «столетья», которое «безумно и мудро», обычно не подкреплены достаточной источниковой базой с репрезентативной выборкой и тем более не верифицированы с помощью статистических методов. Это относится не только к иноземцам Санкт-Петербурга, но и других российских городов. Между тем метрические книги иностранных церквей в той или иной мере дают возможность прояснить специфические черты иностранного социума, а также проанализировать происходившие среди «немцев» демографические процессы. Данная статья является первым опытом сравнительного анализа основных демографических процессов (таких, как брачность, рождаемость и смертность) среди конфессиональных групп петербургских иноземцев XVIII в. с опорой на метрики.

В исследуемую эпоху уровни брачности и брачные стратегии у иноземцев Санкт-Петербурга заметно различались в зависимости от их вероисповедания, что наводит на мысль о прямом влиянии религиозных ценностей на процесс планирования семьи и выбора партнеров. Не имея возможности определить и, соответственно, сравнить коэффициенты брачности во всех иноземных церковных общинах (по причине отсутствия документов или же в силу малочисленности верующих и недостаточности статистической выборки), можно, однако, утверждать, что доля лиц, официально не состоявших в браке, была существенно более высокой среди петербургских католиков, нежели среди протестантов. Данный вывод следует из анализа метрических записей двух крупнейших иностранных приходов города – Петрикирхе (лютеранской общины Св. Петра) и католической церкви Св. Екатерины.

В архиве Петрикирхе сохранились списки брачующихся, из которых видно, что в последнее десятилетие XVIII в. каждый год на 1000 взрослых прихожан в среднем приходилось почти по 37 брачных церемоний [1, с. 99, 101]. Данная пропорция, судя по всему, установилась еще в первой половине столетия: в 1730-е годы в общине в среднем ежегодно венчали по 16 пар (число взрослых верующих Петрикирхе в это время оценивается примерно в четыреста человек), а в 1740-е годы пасторы заключали в среднем 28 браков в год [1, с. 99] при приблизительной численности прихода в семьсот взрослых мужчин и женщин. То есть коэффициент брачности лютеран составлял 0,04 (40 брачных союзов на 1000 взрослых прихожан). Коэффициент же общей брачности у православного населения России в XVIII столетии равнялся 10–11 бракам на тысячу человек [19, с. 173], однако в эту тысячу входили не только взрослые, но и дети, что затрудняет сравнение обоих показателей. В любом случае, очевидно, что у петербургских лютеран имелось выраженное стремление к брачности.

Известно, что рост инославных общин в России происходил благодаря иммиграции населения, а не за счет повышения рождаемости в приходах [1, с. 102, 108, 132]. Поэтому весьма вероятно, что прибывавшие из-за границы или из других российских городов лютеране преимущественно являлись молодыми людьми, готовыми или даже понуждаемыми своими религиозными ценностями к вступлению в брак или уже имеющими семью. Тем не менее, в отличие от брачности русского православного населения, которая в XVIII столетии была почти всеобщей (свыше 99 %), западноевропейская модель брачности отличалась высокой долей лиц, никогда в браке не состоявших. Таковых было не менее 10 % в составе любой популяции [19, с. 172]. Эту модель наверняка можно отнести ко всем выходцам из Западной Ев-

ропы в Петербурге, но в большей степени ее реализовали католики. Последние, в основном, были неженатыми мужчинами, о чем сохранились прямые указания современников и историков. Так, к молодым холостякам относил большинство петербургских «латинян» ксендз Э. Ключевский [6, с. 27]. Сходным образом в 1720 г. характеризовал московскую общину капуцинов Роман: «Католическая община не составляет и трехсот душ, из которых весьма немногие женаты» [14, с. 100]. Брачные ведомости петербургского костела за первую половину века не сохранились (имеются записи о венчаниях только начиная с 1746 г.), зато в распоряжении исследователей находится книга записей крещений, подтверждающая наблюдения современников. Думается, что только преобладанием холостяков можно объяснить непомерно высокий коэффициент отношения совокупного числа взрослых католиков (мужчин и женщин) к числу производимых в петербургском костеле крещений (он составлял примерно 46:1 и превосходил тот же показатель у петербургских лютеран более чем в 6 раз) [4, с. 7].

Согласно донесению францисканского суперiorsа о. Микеланджело да Вестинье, за 10 лет (в 1720–1729 гг.) в петербургском костеле было произведено 72 бракосочетания (то есть 7,2 в среднем ежегодно) при численности прихода в 1200–2000 взрослых лиц обоего пола [21, с. 114]. Как видно из этих данных, коэффициент брачности католиков был очень низким и составлял примерно 4–6 браков на тысячу взрослых.

Отсутствие у католиков стремления к женитьбе, судя по всему, надо связывать со сложностью разводов в Римско-католической Церкви: скоропалительный брак вдали от родины мог легко стать роковым и перечеркнуть надежду на возвращение. В России выбор невест для иностранцев к тому же был невелик. Союзы с православными женщинами оставались сравнительно редкими, и католику приходилось искать подругу жизни среди местных протестанток или не искать совсем [3,

с. 9]. Руководствуясь правилом «...Что Бог сочел, того человек да не разлучает» (Мк. 10:9), многим трудно было решиться на женитьбу, особенно на «еретичке». Естественно, в протестантских конфессиях разводы тоже не поощрялись, однако они не просто были возможными – они были нередкими. Протестанты уравнивали категоричность приведенного библейского высказывания другой цитатой: «...Моисей позволил писать разводное письмо и разводиться» (Мк. 10:4) [16, с. 152–156]. Поэтому протестанты сравнительно легко вступали в брак и сравнительно (это уточнение имеет смысл) легко разводились: архив Юстиц-коллегии Лифляндских и Эстляндских дел сохранил немало документов о бракоразводных процессах. Справедливости ради надо отметить, что нередко такие процессы длились по нескольку лет, то есть развод все равно был сопряжен с определенными трудностями. Однако, в конце концов, истцы добивались успеха, чему масса примеров: дело о разводе Христины-Елизаветы Дюккер с ассесором Камер-коллегии Антоном фон Зальца (1721 г.) [11]; развод дочери штабс-хирурга Эстер Фризе с генерал-аудитором Иоганном фон Штос (1736–1744 гг.) [7; 13]; расторжение брака Екатерины Штенцель с капитаном Кристофом фон Портман (1736–1737 гг.) [8]; Элеоноры Розенкранц – с переводчиком Кизером (1738–1739 гг.) [12]; петербургского лакировщика Христиана Давиди – с Марией-Елизаветой Бробергин (1743–1744 гг.) [9]; Софии Бормейстер – с голландским купцом Генрихом фон Берген (1744–1748 гг.) [10] и многие другие. Поводом для наделения Юстиц-коллегии Лифляндских и Эстляндских дел функциями церковного суда для инославных в 1734 г. как раз стало дело о разводе петербургского лютеранина Георга Напьера с изменившей ему женой [20, с. 279].

Нежеланию католиков вступать в брак способствовал также меньший ригоризм католической культуры (в сравнении с протестантской) в оценке внебрачных связей. Прибывавшие в Россию иностранцы часто преследовали цель временного

заработка, считали жизнь и работу здесь сопряженной с риском, а потому предпочитали не обременять себя семьей и довольствоваться случайными связями. Последние зафиксированы не только с лютеранками, но и с православными. Например, католические метрики отмечают факт незаконного сожительства лейтенанта галерного флота Николо Грациани с русской женщиной Анной Петровной в 1721 г. [17, л. 14 об.]

Разные уровни брачности определили различия между католиками и протестантами в стратегии воспроизводства населения. Коэффициент рождаемости у петербургских католиков, судя по книгам крещенных, в 1720-е годы составлял 0,012–0,02 (в среднем 24 рождения в год при совокупной численности взрослых прихожан 1200–2000 человек), или 12–20 рождений на одну тысячу взрослых мужчин и женщин) [4, с. 8]. В 1730-е годы данный коэффициент составлял 0,016–0,02 (на 1500–2000 прихожан в среднем приходилось по 32 рождения в год), или 16–20 рождений на тысячу взрослых [4, с. 8]. У лютеран тот же коэффициент равнялся примерно 0,14 (140 рождений на тысячу взрослых прихожан [1, с. 99, 101]) и не уступал показателям рождаемости у православных (50 рождений на 1000 населения, включая детей [19, с. 179]). Однако тот факт, что число крещений в течение всего столетия у лютеран разных общин (Св. Петра, Св. Анны, а также «Преображенской» церкви на Васильевском острове) практически совпадало с числом умерших [1, с. 99, 108, 115], заставляет предполагать у лютеран не менее высокий, по сравнению с православными, процент младенческой и детской смертности. Совокупная младенческая и детская смертность у православного русского населения в XVIII – начале XIX вв. составляла, по разным оценкам, от 30 до 53 % [18, с. 47; 19, с. 199]. Очевидно, петербургские лютеране в ходе своей социальной адаптации восприняли русскую модель демографического поведения: экстенсивное воспроизводство с установкой как можно больше

родить детей при минимальном уходе за ними. В прочих конфессиональных группах петербургских иноземцев уровень совокупной младенческой и детской смертности, наоборот, оставался весьма низким: в первой половине XVIII в. только 8,3 % детей католиков умирали в возрасте до 15 лет; 9,8 % составлял тот же показатель у реформатов; около 23 % – у англикан [2, с. 10–11; 3, с. 7; 5, с. 19]. Данный феномен можно объяснить совокупностью причин: во-первых, в инославных общинах Санкт-Петербурга состояло множество врачей и фармацевтов, способных оказать быструю медицинскую помощь единоверцам [2, с. 10; 3, с. 13; 5, с. 18]; во-вторых, католики и протестанты, в отличие от православных, долгое время оставляли своих детей на грудном вскармливании, обеспечивая им иммунную защиту [15, с. 47]; в-третьих (и это, надо полагать, главное), большинство иноземцев (за исключением, пожалуй, лютеран) руководствовались западной моделью воспроизводства населения, подразумевающей ответственный и качественный уход за детьми при существенно меньшей их рождаемости [19, с. 199].

Анализ метрических книг петербургских иноземцев подтверждает уже высказанное историками мнение, что среди католиков и протестантов «...женщины, не состоявшие в браке, но рожавшие детей, не осуждались столь сурово, как среди православных, а их дети не дискриминировались» [19, с. 183]. Практика крещений таких детей, действительно, показывает, что в социальном плане они признавались полноценными членами общества – для них не подбирали «особых» крестных родителей, их не гнушались крестить самые уважаемые люди прихода. При этом, однако, у католиков и протестантов имелось все-таки различное отношение к внебрачному сожительству (институту конкубината). Так, выше всего процент зарегистрированных незаконнорожденных детей (прижитых вне венчанного брака) отмечается у католиков (8,5 %), что доказывает широкое распространение среди них внебрачных связей и терпимое к ним отноше-

ние [3, с. 7]. Самой низкой доля таких детей наблюдалась у реформатов (на уровне 1,3 %), так как реформаты особенно ригористично были настроены к «блуду» [5, с. 19]. В англиканском приходе процент прижитых вне брака детей равнялся 4,9 %, что также может свидетельствовать о непопулярности среди них практики незаконного сожительства [2, с. 11]. У православного же населения России доля зарегистрированных незаконнорожденных детей в конце XVIII и начале XIX столетий колебалась в зависимости от губерний от 2 до 7 % [19, с. 182].

Показатели смертности в немецких лютеранских общинах (Св. Петра, Св. Анны, василеостровской кирки Св. Екатерины) в течение всего XVIII в. находились практически на одном уровне с показателями рождаемости, хотя число крещений почти всегда было чуть выше числа смертей (в среднем в 1,2 раза [1, с. 99, 101]). Лишь в конце столетия коэффициент смертности в Петрикирхе полностью совпал с коэффициентом рождаемости, составив около 0,14 (примерно 140 смертей на 1000 взрослых прихожан) [1, с. 99, 101]. Схожая ситуация сложилась и в реформатских общинах. Согласно статистике французского кальвинистского прихода, в 1725–1740 гг. было произведено 61 крещение, а погребены 53 человека (61:53=1,15) [5, с. 16–17]. В шведско-финском лютеранском приходе, верующие которого в социальном плане оставались наименее защищенными, смертность, наоборот, превышала рождаемость, причем тоже примерно в 1,2 раза [1, с. 132]. У англикан число погребений часто превышало число рождений из-за большого числа пожилых людей в составе прихода. То есть показатели смертности у петербургских протестантов были очень высокими, что могло быть обусловлено разными причинами, дей-

ствующими (в зависимости от прихода) в отдельности или в своей совокупности. Среди явных причин – большая детская смертность (у лютеран), низкий уровень жизни (у лютеран шведско-финской кирки), преобладание лиц пожилого возраста (в англиканском приходе).

Уровень смертности у петербургских католиков был во много раз меньшим. Приходская книга регистраций смертей «латинян» не сохранилась, однако мы располагаем сведениями о Микеланджело да Вестинье, докладывавшего, что за 10 лет своего служения (в 1720–1729 гг.) он произвел всего 93 отпевания [21, с. 114]. Коэффициент смертности католиков, таким образом, находился в пределах 0,00465–0,00775 (9,3:2000 и 9,3:1200) и составлял всего 5–8 смертей на тысячу взрослых прихожан. Судя по данным того же источника, рождаемость в приходе превышала смертность в 2,6 раза (в 1720–1729 гг. были крещены 240 младенцев). Эти данные подкрепляют гипотезу о преобладании среди петербургских католиков молодежи.

Таким образом, модели демографического поведения у петербургских иноземцев существенно различались в зависимости от их конфессиональной принадлежности. Наиболее близкими к традиционной русской модели демографического поведения следует признать характеристики демографических процессов у лютеран, имевших очень высокие показатели брачности, рождаемости и смертности. Демографическое поведение петербургских католиков, наоборот, отличалось крайне низкими коэффициентами брачности, рождаемости и смертности, что было обусловлено спецификой половозрастного состава их общины, а также стремлением многих католиков не задерживаться в России и сочетаться браком за ее пределами.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00030 «Иностранцы Санкт-Петербурга в первой половине XVIII столетия по метрическим книгам инославных приходов»

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алакшин А. Э. Протестантские общины в Петербурге в XVIII веке. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2006. 415 с.
2. Андреев А. Н. Англикане и иноземцы других конфессий в Санкт-Петербурге первой половины XVIII века по метрикам англиканского прихода // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2019. Т. 19. № 4. С. 6-15.
3. Андреев А. Н. Католический социум Санкт-Петербурга по метрическим записям прихода Греческой слободы (1710–1740 гг.): опыт составления и изучения базы данных // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2019. Т. 19. № 3. С. 6-15.
4. Андреев А. Н. Конфессиональная жизнь петербургских католиков в XVIII столетии // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2014. Т. 14. № 1. С. 6-14.
5. Андреев А. Н. Реформатское население Санкт-Петербурга в первой половине XVIII века по регистрационным журналам церковных приходов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2020. Т. 20. № 4. С. 14-23.
6. Базылёв Л. Поляки в Петербурге / пер. с польск. Ю. Н. Беспятых. СПб.: Русско-Балт. информац. центр «Блиц», 2003. 448 с.
7. Дело о разводе дочери штабс-хирурга Эстер Фризе с генерал-аудитором лейтенантом Штос (21 февраля 1735 г.–9 апреля 1736 г.)// РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф.284(Юстиц-коллегия Лифляндских, Эстляндских и Финляндских дел). Оп. 1. Ч.4. Д.7292. 34л
8. Дело о разводе Екатерины Штенцель с капитаном сибирского пехотного полка Кристофом фон Портман в Петербурге(24 августа 1736 г.–6 мая 1737 г.)//РГАДА. Ф.284.Оп. 1. Ч. 4. Д. 7295.23 л
9. Дело о разводе петербургского лакировщика Христиана Давиди с Марией-Елизаветой Бробергин (4 ноября 1743 г. – 19 декабря 1744 г.) // РГАДА. Ф. 284. Оп. 1. Ч. 4. Д. 7348. 15 л.
10. Дело о разводе Софии Бормейстер с голландским купцом Генрихом фон Берген (20 декабря 1744 г. – 16 июня 1748 г.) // РГАДА. Ф. 284. Оп. 1. Ч. 4. Д. 7356. 58 л.
11. Дело о разводе Христианы Елизаветы Дюккер с ассессором Камер-коллегии Антоном фон Зальца (23 мая 1721 г.) // РГАДА. Ф. 284. Оп. 1. Ч. 4. Д. 7244. 4 л.
12. Дело о разводе Элеоноры Розенкранц с переводчиком Кизером в Санкт-Петербурге (Сентябрь 1738 г. – 12 февраля 1739 г.) // РГАДА. Ф. 284. Оп. 1. Ч. 4. Д. 7304. 14 л.
13. Дело о разводе Эстер Фризен с генерал-аудитором Иоганном Штос в Москве (17 апреля 1744 г. – 19 мая 1744 г.) // РГАДА. Ф. 284. Оп. 1. Ч. 4. Д. 7353. 12 л.
14. Донесения французского консула в Петербурге Лави и полномочного министра при русском дворе Кампредона с 1719 по 1722 г. // Сборник Русского Исторического общества. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1884. Т. 40. XIII, 498, LXXXII с.
15. Кваша Е. А. Младенческая смертность в России в XX веке // Социологические исследования. 2003. № 6. С. 47-55.
16. Лиценбергер О. А. Римско-католическая и Евангелическо-лютеранская Церкви в России: сравнительный анализ взаимоотношений с государством и обществом (XVIII – начало XX вв.): Дис... д-ра ист. наук. Саратов, 2005. 488 с.
17. Метрическая книга о крещении (1710–1740 гг.) // Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.). Ф. 347 (Римско-католическая церковь Св. Екатерины). Оп. 1. Д. 31. 68 л.
18. Микиртчян Г. Л. Исследования смертности детей в России XVIII века // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2013. № 6. С. 42–47.
19. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1. XL, 548 с.
20. Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. 9. 1025 с. № 6548.
21. Reinhold J., O.F.M. Die St. Petersburg Missionpraefektur der Reformaten in 18. Jahrhundert // Archivum Franciscanum Historicum. 1961. S. 114–215.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Alakshin A. Je. Protestantskie obshhiny v Peterburge v XVIII veke. Cheljabinsk: Cheljab. gos. un-t, 2006. 415 s.
2. Andreev A. N. Anglikane i inozemcy drugih konfessij v Sankt-Peterburge pervoj poloviny XVIII veka po metrikam anglikanskogo prihoda // Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Serija «Social'no-gumanitarnye nauki». 2019. T. 19. № 4. S. 6-15.
3. Andreev A. N. Katolicheskiy socium Sankt-Peterburga po metriceskim zapisjam prihoda Grecheskoj slobody (1710–1740 gg.): opyt sostavlenija i izuchenija bazy dannyh // Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Serija «Social'no-gumanitarnye nauki». 2019. T. 19. № 3. S. 6-15.
4. Andreev A. N. Konfessionalnaja zhizn peterburgskih katolikov v XVIII stoletii // Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Serija «Socialnogumanitarnye nauki». 2014. T. 14. № 1. S. 6-14
5. Andreev A. N. Reformatskoe naselenie Sankt-Peterburga v pervoj polovine XVIII veka po registracionnym zhurnalnam cerkovnyh prihodov // Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Serija «Social'no-gumanitarnye nauki». 2020. T. 20. № 4. S. 14-23.
6. Bazyl'jov L. Poljaki v Peterburge / per. s pol'sk. Ju. N. Bespjatyh. SPb.: Russko-Balt. informac. centr «Blic», 2003. 448 s.
7. Delo o razvode docheri shtabs-hirurga Jester Frize s general-auditorom lejtenantom Shtos (21 fevralja 1735 g.–9 aprelja 1736 g.) // RGADA (Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov). F.284(Justic-kollegija Lifljandskih, Jestljandskih i Finljandskih del). Op. 1. Ch. 4. D. 7292. 341
8. Delo o razvode Ekateriny Shtencel' s kapitanom sibirskogo pehotnogo polka Kristofom fon Portman v Peterburge (24 avgusta 1736 g.–6 maja 1737 g.) // RGADA. F.284. Op. 1. Ch. 4. D. 7295. 231
9. Delo o razvode peterburgskogo lakirovshhika Hristiana Davidi s Mariej-Elizavetoj Brobergin (4 nojabrja 1743 g. – 19 dekabrja 1744 g.) // RGADA. F. 284. Op. 1. Ch. 4. D. 7348. 15 l.
10. Delo o razvode Sofii Bormeyster s gollandskim kupcom Genrihom fon Bergen (20 de-kabrja 1744 g. – 16 ijunja 1748 g.) // RGADA. F. 284. Op. 1. Ch. 4. D. 7356. 58 l.
11. Delo o razvode Hristiany Elizavety Djukker s asessorom Kamer-kollegii Antonom fon Zal'ca (23 maja 1721 g.) // RGADA. F. 284. Op. 1. Ch. 4. D. 7244. 4 l.
12. Delo o razvode Jeleonory Rozenkranc s perevodchikom Kizerom v Sankt-Peterburge (Sentjabr' 1738 g. – 12 fevralja 1739 g.) // RGADA. F. 284. Op. 1. Ch. 4. D. 7304. 14 l.
13. Delo o razvode Jester Frizen s general-auditorom Iogannom Shtos v Moskve (17 aprelja 1744 g. – 19 maja 1744 g.) // RGADA. F. 284. Op. 1. Ch. 4. D. 7353. 12 l.
14. Donesenija francuzskogo konsula v Peterburge Lavi i polnomochnogo ministra pri russkom dvore Kampredona s 1719 po 1722 g. // Sbornik Russkogo Istoricheskogo obshhe-stva. SPb.: Tip. M.M. Stasjulevicha, 1884. T. 40. XIII, 498, LXXXII s.
15. Kvasha E. A. Mladencheskaja smertnost' v Rossii v XX veke // Sociologicheskie issledo-vanija. 2003. № 6. S. 47-55.
16. Licenberger O. A. Rimsko-katolicheskaja i Evangelicheskij-ljuteranskaja Cerkvi v Rossii: sravnitel'nyj analiz vzaimootnoshenij s gosudarstvom i obshhestvom (XVIII – nachalo XX vv.): Dis... d-ra ist. nauk. Saratov, 2005. 488 s.
17. Metriceskaja kniga o kreshhenii (1710–1740 gg.) // Central'nyj gosudarstvennyj isto-richeskij arhiv Sankt-Peterburga (CGIA SPb.). F. 347 (Rimsko-katolicheskaja cerkov' Sv. Ekateriny). Op. 1. D. 31. 68 l
18. Mikirtichan G. L. Issledovanija smertnosti detej v Rossii XVIII veka // Problemy social'noj gigieny, zdravoohranenija i istorii mediciny. 2013. № 6. S. 42–47.
19. Mironov B. N. Social'naja istorija Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.). SPb.: Dmitrij Bulanin, 2003. T. 1. XL, 548 s.
20. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. SPb.: Tipografija II Otdelenija Sob-stvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kanceljarii, 1830. T. 9. 1025 s. № 6548.
21. Reinhold J., O.F.M. Die St. Petersburg Missionpraefektur der Reformaten in 18. Jahrhundert // Archivum Franciscanum Historicum. 1961. S. 114–215.

Поступила в редакцию 17.10.2021.
Принята к публикации 20.10.2021.

Для цитирования:

Андреев А.Н. Демографические процессы в инославных общинах Санкт-Петербурга первой половины XVIII века // Гуманитарный научный вестник. 2021. №10. С. 1-7. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2021/10/Andreev.pdf>